ПОЛІС

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Grazhdane_i_polit_praktiki.pdf

Перепечатка с сайта Института социологии РАН http://www.isras.ru/

URL:http://www.civisbook.ru

библиотека
РАПН
РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

В монографии представлены результаты теоретического и эмпирического исследования гражданской активности в контексте становления и трансформации институционального порядка в современной России. Особое внимание уделяется вопросам гражданского участия и гражданского действия, а также гендерному измерению гражданских практик. Работа выполнена в рамках институциональной политологии, использования современной институциональной методологии политического анализа.

Для научных сотрудников и преподавателей вузов, а также аспирантов и студентов старших курсов – политологов, социологов, философов, специалистов в области государственного и муниципального управления

РОССПЭН

Граждане и политические практики в современной России

библиотека
РАПН
РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Граждане и политические практики в современной России:

воспроизводство и трансформация институционального порядка

библиотека
РАПН
РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Российская ассоциация политической науки
Исследовательский комитет по институциональным исследованиям
Исследовательский комитет по гендерной политологии

Граждане и политические практики в современной России:

воспроизводство и трансформация институционального порядка

Москва
РОССПЭН
2011

УДК 316.3/.4
ББК 60.56
Г75

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров

Проект «Политическая наука в России:
профессионализация, международная интеграция,
выведение на уровень мировых стандартов»,
грант № 08-92128-000-GSS

Редакционный совет Российской ассоциации политической науки:
А. И. Соловьев (председатель), О. В. Гаман-Голутвина, М. В. Ильин,
Ф. А. Лукьянов, О. Ю. Малинова, Е. Ю. Мелешкина, А. И. Никитин,
С. В. Патрушев, Ю. С. Пивоваров, О. В. Попова, Л. В. Сморгунов,
А. К. Сорокин, С. В. Чугров, А. В. Шевченко

Г75 **Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка** / [ред. колл. : С. В. Патрушев (отв. ред.), С. Г. Айвазова, П. В. Панов]. — М. : Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. — 318 с. — (Библиотека РАПН).

ISBN 978-5-8243-1580-6

В монографии представлены результаты теоретического и эмпирического исследования гражданской активности в контексте становления и трансформации институционального порядка в современной России. Особое внимание уделяется вопросам гражданского участия и гражданского действия, а также гендерному измерению гражданских практик. Работа выполнена в рамках институциональной политологии, использования современной институциональной методологии политического анализа.

Для научных сотрудников и преподавателей вузов, а также аспирантов и студентов старших курсов — политологов, социологов, философов, специалистов в области государственного и муниципального управления.

УДК 316.3/.4
ББК 60.56

ISBN 978-5-8243-1580-6

© Коллектив авторов, 2011
© Российская ассоциация политической науки, 2011
© Российская политическая энциклопедия, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Гражданская активность и институциональный порядок в России: к постановке проблемы (*С.В. Патрушев*) 5

Раздел 1. Институциональный порядок: теория и Россия 23

1. Общие проблемы 23
   1.1. Основные концептуальные подходы (*Панов П.В.*). 23
   1.2. Типы гражданской активности (*Патрушев С.В.*). 35
   1.3. Институциональная среда (*Хлопин А.Д.*) 38
   1.4. Институциональная неопределенность (*Москвин Д.Е.*) 40
   1.5. Легитимность институционального порядка (*Кокарев К.П.*) 42
   1.6. Институциональное включение/исключение (*Филиппова Л.Е.*) . . . 51
   1.7. Гендерный порядок / гендерное гражданство (*Айвазова С.Г.*) . . . 55
   1.8. Институциональные практики и арены взаимодействия (*Панов П.В.*) 62
2. Российские особенности 68
   2.1. Социум клик как российский тип социальной организации (*Хлопин А.Д.*) 68
   2.2. Гендерные разрывы / гендерная асимметрия (*Айвазова С.Г.*) . . . 76
   2.3. Лояльность и оппозиционность (*Мирясова О.А.*) 80
   2.4. Демократия versus кликократия (*Павлова Т.В.*) 88

Раздел 2. Власть и социум: множественность арен и практик взаимодействия 94

1. Институциональные практики и институциональный порядок публичной сферы региона (*Семенов А.В.*) 94
   1.1. Разновидности идеал-типических моделей порядка публичной сферы 95
   1.2. Контроль над повесткой дня 100
   1.3. Состав участников общественно-политических дискуссий 107
2. Граждане и судебная власть (*Римский В.Л.*) 114
   2.1. Социальный запрос к судебной власти 114
   2.2. Социальные ожидания и судебные практики 116
   2.3. Судебная власть и формирование политико-правового порядка в России 121
3. Власть и религиозные объединения: практики взаимодействия (*Бобров И.В., Клюева В.П., Поплавский (Коробкó) Р.О., Черепанов М.С.*). 126
   3.1. Набор институциональных практик. 128
   3.2. Законодательно-нормативные регламенты. 133
   3.3. Представления участников государственно-конфессионального взаимодействия 134

4. Гендерные стереотипы в практиках господства и подчинения (*Рябова Т.Б.*) 139
4.1. Гендерные стереотипы и электоральный выбор 144
4.2. Гендерные стереотипы в управленческой деятельности 145
4.3. Гендерные стереотипы и технологии борьбы за власть 146
4.4. Векторы воздействия гендерных стереотипов: адаптивная и неадаптивная активность 150
5. Прямое участие граждан в реформировании городской среды: случай ЖКХ (*Бычкова О.В., Попова Е.В.*) 155
5.1. Институциональная и материальная среда города 155
5.2. Технологические предписания: «эксперты» и «горожане» 161
5.3. Централизация, эффективность, участие 165
6. Электоральные практики: партикуляризм versus универсализм (*Панов П.В.*) 167
6.1. Индивидуальные мотивации и электоральные практики. 168
6.2. Примордиалистские, персоналистские, сакральные и инструменталистские электоральные практики. 170
6.3. Масштабы электорального партикуляризма в России. 176
7. Центр и регионы в России: практики взаимодействия (*Ильченко М.С.*) 184
7.1. Практики назначения губернаторов и новая конфигурация отношений федеральной и региональной элиты 184
7.2. Статус «особого» региона в условиях «нового централизма»: механизмы воспроизводства 189
7.3. Практики двусторонних соглашений в режиме «ручного управления» 194
7.4. Система отношений Центра и регионов в России: основные контуры институциональных изменений 198
8. Арены участия: Россия в европейском контексте (*Завадская М.А.*) . . . 201
8.1. Институционализация арены политического участия. 201
8.2. Динамика показателей политического участия. 207
8.3. Конфигурации арен участия. 209
8.4. Динамика конфигураций арен участия. 213

Раздел 3. Российский порядок и стратегии изменений. 217

1. Гражданская вовлеченность в социуме клик: потенциал институциональной трансформации (*Хлопин А.Д.*) 217
2. Гендерное гражданство, активность и изменение гендерного порядка (*Айвазова С.Г.*) 230
3. Преодоление институциональных ограничений гендерного равенства: трансформация исторической памяти (*Овчарова О.Г.*) . . . 244
4. Стратегии институциональных изменений (*Филиппова Л.Е.*) 260
5. Гражданская активность в пространстве лояльности и оппозиционности (*Мирясова О.А.*) 271
6. Граждане и перспективы политического порядка в России (*Павлова Т.В.*) 295

Вместо заключения. Кликократический порядок как институциональная ловушка российской модернизации (*Патрушев С.В.*). 311

Сведения об авторах 317

ВВЕДЕНИЕ
Гражданская активность и институциональный порядок в России: к постановке проблемы

Вся земля наша велика и обильна,
а наряда в ней нет.

Нестор

И вот земля свободна
От всяких зол и бед,
А все ж порядка нет.

А.К. Толстой

Досталась вам, конечно, Россия не в лучшем виде...

Пока наведут порядок, у молодежи молодость пройдет, стремящиеся перестанут стремиться. Выдохнется весь народ.

Жаль будет...

Блог Президента России, 11.12.2009

Порядок — классическая тема общественной мысли и социальных наук и одно из основных — если не основное — устремлений, волнующих как властвующих, так и им подвластных[1].

Что такое порядок? Что такое порядок социальный, политический, гражданский? Благодаря кому или чему и каким образом порядок возникает, воспроизводится, изменяется, разрушается? Каковы особенности российского порядка?

Идея существования некой всеобщей формы бытия социума — порядка — возникает в античности у Платона и Аристотеля, концептуализируется в эпоху Просвещения, становится основным вопросом для социологии и политической науки XIX–XXI столетий: от Конта и Маркса до Гидденса и Фукуямы. Этой проблематике посвящено множество зарубежных и отечественных исследований. Только в 2000-е гг. появились

[1] Интернет-поиск (июнь 2011 г.) словосочетания «social order» дал 4,56 млн упоминаний, «political order» — 2,45 млн, «l'ordre social» и «L'ordre politique» — 4,08 млн и 1,41 млн, «soziale Ordnung» и «politische Ordnung» — 103 тыс. и 187 тыс.; поиск слова «порядок» дал 4,33 млн упоминаний, словосочетания «социальный порядок» и «политический порядок» — еще 128 тыс. и 51,8 тыс. упоминаний.

новые работы по формированию, устойчивости и трансформации порядка в России и мире[1].

---

[1] См.: Агафонов Ю.А. Социальный порядок в России (Институциональный и нормативно-правовой аспекты). Ростов-на-Дону, 2000; Байрамов В.Д. Социальный хаос в российском обществе. М.: Социально-гуманитарные знания, 2008; Баранов П.П., Жуков И.А., Працко Г.С. Правовой порядок и концептуальный анализ. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2008; Биканин К.Т. Порядок: гуманитарное измерение. Сб. стат. Самара: Самарский университет, 2002; Дубин Б. Особый путь и социальный порядок в современной России // Вестник общественного мнения. 2010. № 1; Кара-Мурза А.А. Свобода и порядок. Из истории русской политической мысли XIX–XX вв. М.: Московская школа политических исследований, 2009; Кара-Мурза С.Г., Аксененко С.И. Советский порядок. М.: Эксмо, 2010; Кивинен М. Прогресс и хаос. Социологический анализ прошлого и будущего России. СПб., 2001; Конфликт и социальный порядок. Антология. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2002; Лал Д. Похвала империи: Глобализация и порядок. М.: Новое издательство, 2010; Масарский М. Порядок и смута. Очерки философии истории. М.: Луч; Право и закон, 2000; Миронин С. Сталинский порядок. М.: Эксмо, 2007; Российский гендерный порядок. Социологический подход / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007; Федотова В. Апатия и три типа порядка в посткоммунистической России // Политический класс. 2005. № 1; Федотова В.Г. Анархия и порядок. М.: Эдиториал УРСС, 2000; Шкаратан О.И. Российский порядок. Вектор перемен. М.: Вита-Пресс, 2004; Badie B. The imported state: the Westernization of the political order. Stanford, Calif.: Stanford Univ. Press, 2000; Bowie N.E., Simon R.L. The individual and the political order: an introduction to social and political philosophy. 4th ed. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2008; Davenport Ch. State repression and political order // Annual Review of Political Science. 2007. Vol. 10. P. 1–23; Christian Democracy in a global world: human rights and political participation in the 21st century / ed. by D.K. Chatterjee. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2008; Dhamoon R. Beyond inclusion politics: Reconstituting the political order. Paper for presentation at the Annual General Meeting of the Canadian PSA. London, Ontario, 2–5 June, 2005; Fukuyama F. The origins of political order. From prehuman times to the French revolution. N.Y.: Farrar, Straus & Giroux, 2011; Haddock B., Roberts P., Sutch P. Principles and political order: The challenge of diversity. Routledge, 2006; Jasanoff S. In a constitutional moment: Science and social order at the millennium // Joerges B. & Nowotny H. (eds.). Social studies of science and technology looking back, ahead. Dordrecht, Netherlands: Kluwer Academic, 2003; Kalyvas S., Shapiro I., Masoud T., eds. Order, conflict, and violence. Cambridge Univ. Press, 2008; Krell-Laluhová Z., Schneider S. Legitimacy and the democratic quality of the political order in Britain, Germany, and Switzerland: A discourse analytical perspective. Paper for presentation at the ECPR Joint Sessions of Workshops, Univ. of Uppsala, Sweden, April 13–18, 2004; Lieberman R. Ideas, institutions, and political order: Explaining political change // American Political Science Review. 2002. Vol. 96. Nr. 4; McBride K. Punishment and political order. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 2007; North D., Summerhill W., Weingast B. Order, Disorder and Economic Change: Latin America versus North America // Bueno de Mesquita B., Root H. (eds.).

Тема порядка затрагивает широкий круг вопросов, в центре которого находится проблема власти как способности «устраивать, воплощать и поддерживать порядок»[1]. При этом сама «политическая, экономическая, религиозная и военная власть создается при помощи институтов, которые структурируют отношения людей и их организации»[2].

Любой порядок является институциональным. Его истоки находятся «в типизации совершаемых действий... Это означает, что одного индивида объединяют с другим определенные цели и совпа-дающие этапы их достижения...»[3] В то же время «деятельность логически подразумевает власть, понимаемую как способность к преобразованиям»[4].

В мировой науке понятие «neo-institutional» political science начинают широко использовать вслед за статьей Д. Марча и Й. Олсена «Новый институционализм: организационные факторы в политической жизни» 1984 г.[5], которая обозначила (правда, не совсем заслуженно, здесь надо вспомнить и Джона Майера, Брайана Ройана, Линн Закер, Ричарда Скотта[6]) точку своего рода институционального поворота в политиче-

---

Governing for Prosperity. New Haven: Yale Univ. Press, 2000; North D., Wallis J., Weingast B. Violence and social orders: A conceptual framework for understanding recorded human history. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009; Olsen J.P. Europe in search of political order: An institutional perspective on unity/diversity, citizens / their helpers, democratic design / horizontal drift and the co-existence of orders. Oxford: Oxford Univ. Press, 2007; Rose R., Munro N. Elections without Order: Russia's challenge to Vladimir Putin. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003; Silencing human rights: critical engagements with a contested project / ed. by G.K. Bhambra, R. Shilliam; epilogue by U. Baxi. Basingstoke; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2009 etc.

[1] Бауман З. Мыслить социологически. М., 1996. С. 198.

[2] Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки: концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. С. 32.

[3] См.: Бергер П., Лукман Н. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 120.

[4] Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. М.: Академический проект, 2005. С. 57.

[5] March J.G., Olsen J.P. The New Institutionalism: Organized Factors in Political Life // American Political Science Review. 1984. V. 78. P. 734–749. См. также: March J.G., Olsen J.P. Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics. N.Y.: The Free Press, 1989.

[6] См.: Meyer J.W., Rowan B. Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony // American Journal of Sociology. 1977. V. 83. Nr. 2; Meyer J.W., Scott W.R. Organizational environments: Ritual and rationality. Beverly Hills (Cal.): Sage, 1983; Tolbert P., Zucker L.G. The Institutionalization of Institutional Theory / Clegg S.R., Hardy C., Nord W.R., eds. Handbook of Organization Studies. L.: Sage Publications, 1996. P. 175–190; Scott W.R. Institutional theory // Encyclopedia of Social Theory, George Ritzer, ed. Thousand Oaks, CA: Sage, 2004. P. 408–414.

ской науке. Формируется новый подход к исследованию политических институтов, к изучению отношений между институциональными характеристиками и политическим действием. Становление институциональной политологии как субдисциплины мировой политической науки происходило быстро: появились сотни работ, так или иначе связанных с институциональной политической теорией и методологией[1].

Ныне понятия «институция/институт» (institution/institute), «институциональный» (institutional), «институционалистский» (institutionalist), «институционализация» (institutionalization), «институционализировать» (institutionalize), «институционализм» (institutionalism) применительно к политической науке, политическим исследованиям встречаются весьма часто. Заметим, что само понятие «институт», широко используемое в русскоязычной литературе, оказалось жертвой эффекта институциональной «тропы зависимости». Как показали О. Иншаков и Д. Фролов, неточный русский перевод[2] названия классической

[1] См.: The Oxford handbook of political institutions / ed. by R.A.W. Rhodes, S.A. Binder and B.A. Rockman. Oxford: Oxford univ. press, 2006, а также серию книг: Theories of institutional design. Cambridge: Cambridge univ. press, 1994–2009; Content: Fisse B., Braithwaite J. Corporations, crime and accountability. 1994; Goodin R.E. The theory of institutional design. 1996; Sened I. The political institution of private property. 1997; Rothstein B. Just institutions matter. The moral and political logic of the universal welfare state. 1998; Bovens M. The quest for responsibility. Accountability and citizenship in complex organisations. 1998; Elster J., Offe C., Preuss U.K. Institutional design in post-communist societies. Rebuilding the ship at sea. 1998; Héritier A. Policy-making and diversity in Europe. Escape from deadlock. 1999; Patashnik E.M. Putting trust in the US budget. Federal trust funds and the politics of commitment. 2000; Brennan G., Hamlin A. Democratic devices and desires. 2000; Reilly B. Democracy in divided societies. Electoral engineering for conflict management. 2001; Dryzek J.S., Holmes L.T. Post-communist democratization. Political discourses across thirteen countries. 2002; Pellikaan H., van der Veen R.J. Environmental dilemmas and policy design. 2002; Deliberative policy analysis. Understanding governance in the network society / ed. by Hajer M.A., Wagenaar H. 2003; Rothstein B. Social traps and the problem of trust. 2005; Steiner J., Bächtiger A., Spörndli M., Steenbergen M.R. Deliberative politics in action. Analyzing parliamentary discourse. 2005; Koppell J.G.S. The Politics of quasi-government. Hybrid organizations and the dynamics of bureaucratic control. 2006; Designing deliberative democracy. The British Columbia citizens' assembly / ed. by M.E. Warren, H. Pearse. 2008; Smith G. Democratic innovations. Designing institutions for citizen participation. 2009. Поиск в сети по сочетанию «институциональная политология» дает около 2,5 тыс. Интернет-страниц.

[2] Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. Научный редактор и переводчик книги отметили различие между понятиями «институция» и «институт», но без особых объяснений предпочли последнее. Поэтому же, вероятно, не был переведен подзаголовок сочинения американского институционалиста.

работы Т. Веблена «Теория праздного класса. Экономическое исследование институции (*institution*)» в условиях дефицита научной литературы по институциональной проблематике привел к утверждению в качестве единственно верного термина «институт (institute)», использование которого — вместо более точного термина «институция» — связано с рядом существенных издержек[1].

За прошедшие годы сложились, опознали себя основные традиции или разновидности нового институционализма — нормативный, исторический, рационального выбора и социологический, а также дескриптивный, сравнительный, организационный. К концу 1990-х гг. Гай Питерс насчитал восемь версий[2]. Позже к ним добавились конструктивистский, или дискурсивный (концептуальный), феминистский, активистский (акторо-центристский), структурный, сетевой, когнитивный, эмпирический, социокультурный и философский[3].

Среди институционалистов практически общепризнано, что необходимо проводить различие между исследованием политических институций, с одной стороны, и институциональными исследованиями — с другой. Первое отсылает к предметной области. Второе относится к институционализму как методологии исследования. Предметом институционального исследования являются не только и подчас даже не столько политические институции. Поэтому нередкая дискуссия вокруг понятия «институция/институт» в известном смысле не является для институциональной политологии самой важной.

Институции призваны, по словам Э. Тоффлера, создать общественно нормальный институциональный порядок власти[4], служить средством для ее реализации и ограничения.

Институциональная политология отказалась от понимания политики как только отражения общества (контекстуализм) или макроагрегированного следствия индивидуальных действий (редукционизм), от сведения политической деятельности только к процессу принятия поли-

---

[1] См.: Иншаков О.В., Фролов Д.П. Лингвистика институциональной экономики. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. С. 13–16, а также: Быченков В. Институты: Сверхколлективные образования и безличные формы социальной субъектности. М.: Российская академия социальных наук, 1996. С. 7–10. В дальнейшем изложении мы будем вынужденно следовать существующей традиции, не забывая об указанном различии.

[2] Патрушев С.В. Институционализм в политической науке: Этапы, течения, идеи, проблемы // Зарубежная политология в XX столетии: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Отв. ред. вып. Ильин М.В. М., 2001. № 2.

[3] См.: The Oxford handbook of political institutions / ed. by R.A.W. Rhodes, S.A. Binder and B.A. Rockman. Oxford: Oxford univ. press, 2006; Патрушев С.В. Институциональная политология: четверть века спустя // Политическая наука. М., 2009. № 3.

[4] Toffler A. Powershift: Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st century. N.Y.: Bantam Books, 1984. P. 477.

тических решений и распределения ресурсов (инструментализм) или к расчету и своекорыстному поведению (утилитаризм), от рассмотрения политических институций/институтов как результата единственно возможного ситуативного равновесия (функционализм).

Современная институциональная лексика включает понятия «институциональная среда», «институциональное соглашение», «институциональная практика».

Первое означает институты в смысле «политического установления» — действующие (работающие) правила («working ***rules***»), как назвал их Дж. Коммонс[1], и санкции, формальные или неформальные, образующие политические, социальные и юридические рамки взаимодействий между людьми, обеспечивающие информацию и процедуры для координации действий. Правила чаще всего действуют не на поведение индивидов, а на структурирование ситуации, системно формируют институциональную среду. Правила, в понимании Остром, представляют собой артефакты, подверженные человеческому воздействию и изменениям[2]. Чтобы закон стал правилом, необходима система правоприменения. К формированию институциональной среды имеют отношение те акторы, которые причастны к нормотворчеству, к формированию смыслов и ориентиров, к идеологическому и моральному обоснованию порядка.

Второе понятие относится к политическому образованию, которое конституируется на основе договора (контракта) между отдельными индивидами относительно дополнительных ограничений. В этом контексте власть, доверие и соглашение можно рассматривать как институциональные образования, как институты, среду и практики.

Институты — это структура взаимодействия, правила, законы, соглашения, нормы, разделяемые убеждения о мире и средства принуждения к исполнению этих правил и норм.

Неоинституциональный анализ развертывается на институциональном, организационном и индивидуальном уровнях, чтобы ответить на взаимосвязанные вопросы: о развитии, отборе и смене различных институтов; о выборе тех или иных организационных форм в зависимости от характера институциональной среды; об особенностях институциональной практики.

---

[1] См.: Коммонс Д.Р. Институциональная экономика. Режим доступа: http://www.ie.boom.ru/Commons/Commons.htm. Такое же понимание разделяет нобелевский лауреат Э. Остром (см.: Ostrom E. Governing the commons: the evolution of institutions for collective action. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1990; русск. изд.: Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности. М.: ИРИСЭН; Мысль, 2011).

[2] См.: Остром Э. Постановка задачи исследования институтов // Экономическая политика. М.: АНО «Редакция журнала “Экономическая политика”», 2009. № 6.

В России использование институционального подхода в политическом исследовании началось в середине 1990-х гг.[1] и по нарастающей продолжает развиваться по сей день[2].

Проект «Российская повседневность и политическая культура в 90-е гг.», реализованный в Институте сравнительной политологии РАН при финансовой поддержке РГНФ в 1995–1997 гг., ставил задачей политико-социологическое исследование перемен в макро- и микроструктурах повседневности как средах ценностных изменений и модификации политической культуры, в способах организации политического пространства и соответственно в механизмах функционирования социума. Цель состояла в том, чтобы оценить направленность происходящих политических изменений, глубину процессов политико-социальной реструктурации в России, выявить, способен ли российский социум к самоорганизации, а если способен, то в каких социальных и политических формах. Было проведено ретроспективно-политологическое исследование специфики организации российской повседневности, а также сравнительно-политологическое изучение религиозных и институциональных факторов трансформации политической культуры с привлечением материалов по Западной Европе и США[3].

Российские реформаторы, воздействуя на макроуровень социетальной системы, не замечают проблему влияния изменившихся структурных

---

[1] Российская повседневность и политическая культура: возможности, проблемы и пределы трансформации / С.В. Патрушев и др. М.: ИСП РАН, 1996. Изданная тиражом в 100 экземпляров монография была замечена российскими специалистами (см.: Левин И.Б. Гражданское общество на Западе и в России // Полис. М., 1996. № 5; Гражданское общество в России: структуры и сознание. М., 1998; Политология / под ред. Василика М.А. М., 1999; Агафонов Ю.А. Социальный порядок в России (Институциональный и нормативно-правовой аспекты). Краснодар, 2000). Р.М. Нуреев расценил работу как одну из первых попыток использовать неоинституциональный подход при анализе общественных процессов в России [см.: Трансформация экономических институтов в постсоветской России (микроэкономический анализ). М., 2000].

[2] Свежий пример — публикация книги П.В. Панова: Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. М.: РОССПЭН, 2011. Заметим, что практически одновременно появилась работа популярного эксперта Ф. Фукуямы: The Origins of Political Order: From Prehuman Times to the French Revolution. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2011. В рамках институциональной методологии выполнен раздел «Институциональная модернизация: гражданская активность и политика» монографии «Модернизация и политика в XXI веке». М.: РОССПЭН, 2011.

[3] Результаты проекта были первоначально представлены в докладе: «Российская повседневность и политическая культура: доверие, солидарность и возможность демократического порядка в социуме клик» (отчет по проекту «Российская повседневность и политическая культура в 90-е гг.»). М., 1996. Отчет привлек внимание петербургских и финских коллег (см.: Повседневность середины 90-х гг. глазами петербуржцев. СПб., 1999).

свойств на ее микроуровень или же рассматривают среду повседневности как изначально предрасположенную к желаемому восприятию реформаторских импульсов[1]. Между тем, согласно Э. Гидденсу, следует различать социальную и системную интеграции, т. е. «упорядоченные связи, взаимообмены или просто взаимность практик»: «Социальная интеграция предполагает системность на личном уровне, в ситуации соприсутствия или взаимодействия лицом к лицу. Системная же интеграция относится к взаимодействию с теми, кто отсутствует физически во времени или в пространстве. Механизмы системной интеграции, несомненно, включают в себя механизмы социальной интеграции, однако последние отличаются по ряду ключевых параметров от тех, что вовлечены в процессы взаимодействия на личном уровне (в условиях соприсутствия)»[2].

Конкретизируя такое понимание, А.Д. Хлопин отмечает, что социальная интеграция основана на личном взаимопонимании и доверии, возникающем в микросреде, образованной сетью из устойчивых связей и отношений типа «лицом к лицу», которые регулируются нормами взаимности в признании прав и исполнении обязанностей между родственниками, друзьями, хорошо знакомыми людьми, реже соседями. Доверительные отношения, воспроизводящиеся по правилам специфической реципрокности, исключающей нарушение моральных правил, принятых в сети «своих» людей, структурируют их микропрактики в режиме саморегуляции. «Социетальная интеграция возникает в процессе политической самоорганизации сегментов социума на основе ценностей и норм, которые не только регулируют координацию сотрудничества и конфликта между различными микросредами, но и поддерживают их автономию в рамках макропорядка, повсеместно признанного легитимным. Симметрия в признании прав и обязанностей гражданина легитимирована формальным равенством перед законом, гарантированным социетальными институтами власти (государством), и безразлична по отношению к личности как тех, кто применяет эту норму, так и тех, к кому она применяется»[3].

В России локальность социального доверия сочетается с дефицитом легитимности институционального порядка[4]. Наличие проблемы легитимации макросоциальной реальности указывает на ограниченность и

---

[1] См.: Грунт З.А., Кертман Г.Л., Павлова Т.В., Патрушев С.В., Хлопин А.Д. Российская повседневность и политическая культура: проблемы обновления // Полис. 1996. № 4.

[2] Гидденс Э. Устроение общества. С. 73.

[3] См.: Повседневные практики и процессы институциональной трансформации в России. М.: ИСП РАН, 2002. С. 12–13.

[4] Как ясно из предыдущего изложения, понятие «порядок» ориентирует исследователей на методологию институционального анализа. См. подробнее: Патрушев С.В. Институционализм в политической науке. Освоение и исследование «институционального порядка» в России только начинается (в частности, интернет-поиск дает только 4370 упоминаний этого словосочетания по сравнению с 79 900 упоминаниями «institutional order»).

фрагментарность институционализации социетального порядка, нуждающегося в универсализации. Это ощущается людьми, требующими «навести порядок», фактически сделать его всеобщим. Можно предположить, что беспорядок, т. е. незавершенная институционализация, есть не что иное, как разрыв между макро- и микроуровнями общественной жизни. Этот разрыв нельзя преодолеть, умножая упорядоченные внутри себя микросреды, включая среду носителей власти; их совокупность не тождественна макропорядку.

Самодеятельность россиян имеет тенденцию порождать в качестве базовой формы самоорганизации общности, конституированные из неформальных связей. Они оказываются основными, хотя и латентными, трудно выявляемыми элементами российской социальной структуры. При этом социальная интеграция внутри микросред сочетается с социетальной дезинтеграцией макросреды. «Классической» альтернативе «самоорганизующееся гражданское общество или жестко контролируемая властью социальная система» противостоит тенденция к воспроизводству особого типа общественной организации — «социума клик»[1]. Кликами в социологии именуются любые неформальные сообщества, функционирующие за пределами и(ли) внутри социальных институтов, а также интегрирующие частных лиц независимо от занимаемых ими официальных постов в круг «своих» людей, готовых ради «общего дела» пренебречь моральными и юридическими законами[2]. Такие клики могут успешно функционировать как в рамках формальных институтов, так и параллельно им, поскольку выполняют функции посредника между государством и частной сферой жизни, а также между чиновниками и частным бизнесом. Сообщества «своих» главным образом преследуют собственные цели, независимо от связей с формальными институтами.

Еще в конце 1950-х гг. М. Далтон выделил несколько типов клик, существующих в организационных структурах[3]:

– вертикальные симбиотические, основанные на патрон-клиентских отношениях;

– вертикальные паразитические, опирающиеся на семейные или дружеские связи;

– горизонтальные защитные и горизонтальные агрессивные, которые возникают в период экономических и социальных реформ для того, чтобы противостоять изменениям или использовать их в интересах «своих»;

– случайные клики, основанные на взаимных услугах, включая блат.

---

[1] См.: Хлопин А.Д. Гражданское общество или социум клик: российская дилемма // Полития. М. 1997. № 1 (3). Понятие «социум клик» возникло в ходе дискуссии А.Д. Хлопина с автором.

[2] См.: Патрушев С.В., Хлопин А.Д. Социокультурный раскол и проблемы политической трансформации России // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 6. М.: Институт социологии РАН, 2007.

[3] Dalton M. Men Who Manage. N.Y.: John Wiley & Sons, 1959. Цит. по: Granovetter M., Swedberg R. (eds.). The Sociology of Economic Life. Boulder: Westview Press, 1992. P. 333–335.

Все эти типы можно обнаружить в российском социуме, практически в каждом его сегменте и фрагменте. Деятельность индивидов в рамках этих общностей определяют не нормативные представления отдельных участников или их принадлежность к какой-то социальной группе (например возрастной), а структура их личных связей и отношений. Наиболее очевидными примерами являются коррупционные сообщества, квазигражданские организации и теневые структуры. Сообщества «своих» могут формироваться и на базе возраста, пола, расы и этноса[1].

Концепция социума клик, предложенная в середине 1990-х гг. А.Д. Хлопиным для анализа российской реальности, позволила по-новому понять социальные и политические процессы в России[2]. Эта концепция получила развитие в ряде исследований и является одним из теоретических оснований настоящей работы.

Социум клик не может быть пространством для развертывания собственно политических позиций, предполагающих согласование, «увязывание» социальных идентичностей. В нем проблематично формирование любых политических образований, например партий, движений и идейных течений. Процесс политического согласования заменяется иными, прежде всего силовыми, административными процессами, которые в свою очередь затрудняют попытки формирования, структурирования и институционализации политического пространства.

Политические институты имеют эндогенный и социально-конструктивный характер. Социальный конструктивизм возвращает культуру, т. е. анализ смыслов, в политические исследования. Институты, которые находятся в центре исторического институционального анализа, могут формировать стратегии и сами являются следствиями стратегий конфликта и выбора. Поэтому в зависимости от результатов историко-институционального анализа конструктивистский институционализм может оказаться как преодолением, так и продолжением исторической версии анализа. Использование конструктивистского подхода облегчается мировым опытом минувшей четверти века, когда деконструкция всего и вся в современном обществе поз-волила лучше увидеть, как слова становятся вещами и как многое из того, что казалось естественным, социально сконструировано.

---

[1] Подробную типологию возникающих на этой основе форм дал в 1960-е гг. известный американский антрополог Эрик Вольф: Wolf E.E. Kinship, Friendship, and Patron-Client Relations in Complex Societies // The Social Anthropology of Complex Societies. Ed. by M. Banton. ASA Monograph, vol. 4. L.: Tavistock, 1966. P. 1–22.

[2] См.: Хлопин А.Д. Самостояние человека: власть и свобода гражданина. Очерки I и II // Рубежи. 1996. № 4, 6. Несколько позже к похожей характеристике российского социума пришел О. Хархордин, который, однако, в рамках своего подхода сделал акцент на дружеских связях. См.: Хархордин О. Дружба: классическая теория и современные заботы // Дружба: очерки по теории практик: Сб. статей / науч. ред. О.В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 15–23.

Характер формирующихся институтов предопределен не только особенностями исторического развития. Институты могут просто заимствоваться. Реальная проблема определяется способом и условиями, при которых они могут быть перенесены на иную историческую почву. Известны примеры, когда одни и те же институты одновременно внедрялись в социумах с противоположным типом политической культуры, совершенно различными неформальными нормами и правилами, сложившимися на протяжении многовековой истории. Мировой опыт реформирования показывает, что усилия по созданию более эффективных институтов приносят плоды и благотворно влияют на политическую жизнь даже в неблагоприятном социальном контексте, когда, казалось бы, отсутствовали всякие предпосылки для формирования демократических политических институтов. В свою очередь, это способствует становлению гражданского общества.

Следуя одной из влиятельных исследовательских традиций[1], мы рассматриваем феномен гражданского общества как *современный тип societальной интеграции* на основе солидарности независимых личностей, связанных коллективными обязательствами с другими индивидами, как *особое пространство бытования гражданских добродетелей* — доверия, уважения к другому индивиду, равенства, справедливости, лежащих в основе норм социальных взаимодействий, как *гражданские практики*, в которых реализуется обеспеченная правовой санкцией государства публичная роль гражданина — *гражданская активность*. В России гражданское общество еще не конституировалось. Налицо дефицит адекватных условий для развития главной компоненты гражданина — взаимного признания и учета каждым индивидом интересов другого как равного и достойного уважения человеческого существа[2]. Именно равенство лежит в основе современно-

---

[1] Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001; Alexander J.C. The Paradoxes of Civil Society. Univ. of Hong Kong: Social Sciences Research Centre, Occasional Paper 16. 1994; idem. The Civil Sphere. N.Y.: Oxford Univ. Press, 2006; Ионин Л.Г. Теоретические вопросы гражданского общества // Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством. М.: Вершины, 2008. См. также: Геллнер Э. Условия свободы: Гражданское общество и его исторические соперники. М., 1995; Хлопин А.Д. Становление гражданского общества в России: институциональная перспектива // Pro et Contra. М., 1997. Т. 2. № 4; Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России / отв. ред. В.Г. Хорос. М.: Эдиториал УРСС, 1998; Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002; Коэн Дж.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М.: Весь Мир, 2003; Рабочие материалы: Гражданское общество: экономический и политический подходы. 2005. № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.carnegie.ru/ru/pubs; Будь лицом: ценности гражданского общества / под ред. В.И. Бакштановского, Ю.С. Согомонова, В.А. Чурилова. Т. 1. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2007.

[2] См.: Seligman A.B. The Idea of Civil Society. N.Y., 1992. P. 172.

го гражданского общества как отсутствие какой бы то ни было дискриминации по экономическому, социальному, политическому, религиозному, этническому или любому другому основанию.

В обществе Модерна граждане имеют один и тот же формально-правовой статус, содержанием которого являются права, свободы и обязанности — базовые (они же универсальные, прирожденные, неотъемлемые, гражданские, личные), а также политические, экономические, социальные, культурные, экологические и т. д. Гражданская активность связана с универсальными правами и свободами, включая право всеми способами, не запрещенными законом, защищать свои права и свободы, т. е. возможность реализовывать основные и общепризнанные права. Отсюда необходимость различать *сферу активности индивидов,* которые являются гражданами в той мере, в какой они наделены гражданским статусом, и *гражданское общество* как институциональный, нормативно-ценностный социетальный порядок, который делает возможной собственно гражданскую активность.

Общие принципы соотношения прав и свобод человека и гражданина, с одной стороны, и государства — с другой, как известно, сводятся (в либерально-республиканской традиции) к следующему: права и свободы принадлежат человеку от рождения, в равной мере всем и каждому; их признание, соблюдение и защита, включая судебную, — обязанность государства, которое гарантирует правовое равенство для всех; осуществление прав и свобод одних лиц не должно нарушать права и свободы других лиц; права и свободы должны действовать непосредственно, определять смысл, содержание и применение законов, деятельность государственной власти и местного самоуправления; государство не должно издавать законы, отменяющие или умаляющие права и свободы, кроме чрезвычайных условий.

Таким образом, универсализация порядка является либо функцией всепроникающей власти, либо обеспечивается в результате активности граждан, которые облекают своим доверием властные институты, чтобы определять и реализовывать коллективные цели, т. е. политические интересы.

Институциональное преобразование остается одной из фундаментальных проблем современной России. У этой проблемы две стороны: во-первых, способность россиян к самоорганизации, возможность (точнее, невозможность) их участия в процессе преобразований, во-вторых, отсутствие механизма реального влияния власти на изменение отношения между индивидом и средой, или проблема эффективности.

Утверждение правового и демократического, справедливого и эффективного, динамичного и устойчивого общественного порядка проходит через свободное и легальное гражданское действие, легитимирующее политическую власть и политическое изменение. Парадокс современной России, когда гигантский потенциал развития сковывается фантомами прошлого, теснинами настоящего и ограничениями будущего, может

быть разрешен путем формирования и освоения открытого институционального политического пространства. Коротко говоря, России необходим современный политический порядок.

В любом случае рассчитывать на скорые результаты трудно. Неформальные нормы и политическая культура меняются гораздо медленнее, чем формальные институты, однако важно, чтобы определенные изменения все же начали происходить.

* * *

Предлагаемое читателю исследование является результатом трехлетней работы по проекту «Институциональные практики и институциональная среда: воспроизводство и трансформация политического порядка в современной России», реализованного в рамках подпроекта «Субдисциплинарное развитие» проекта «Политическая наука в России: профессионализация, международная интеграция, выведение на уровень мировых стандартов», осуществляемого Российской ассоциацией политической науки при финансовой поддержке Фонда Макартуров.

Коллектив политологов и политических социологов, авторов книги, — С.Г. Айвазова (Москва), И.В. Бобров (Тюмень), О.В. Бычкова (Санкт-Петербург), М.А. Завадская (Санкт-Петербург), М.С. Ильченко (Екатеринбург), В.П. Клюева (Тюмень), К.П. Кокарев (Москва), О.А. Мирясова (Москва), Д.Е. Москвин (Екатеринбург), О.Г. Овчарова (Саратов), Т.В. Павлова (Москва), П.В. Панов (Пермь), С.В. Патрушев (Москва), Р.О. Поплавский (Коробкó) (Тюмень), Е.В. Попова (Томск), В.Л. Римский (Москва), Т.Б. Рябова (Иваново), А.В. Семенов (Тюмень), Л.Е. Филиппова (Москва), А.Д. Хлопин (Москва), М.С. Черепанов (Тюмень) — был сформирован под эгидой исследовательских структур Российской ассоциацией политической науки — Исследовательского комитета по институциональным исследованиям / ИКИИ и Исследовательского комитета по гендерной политологии / ИКГП (в первые несколько лет — Гендерная секция РАПН).

ИКИИ РАПН был создан в феврале 2005 г. по инициативе к.и.н. С.В. Патрушева и к.и.н. П.В. Панова, которые стали координаторами комитета. Комитет объединяет специалистов разных направлений и поколений из Екатеринбурга, Москвы, Перми, Санкт-Петербурга, Томска, Тюмени, интересующихся применением и развитием современной институциональной методологии при изучении процессов, происходящих в России и мире.

Гендерная секция РАПН, организованная д.полит.н. С.Г. Айвазовой, начала работу в 1998 г. с участия в подготовке и проведении совместно с рядом женских организаций Всероссийских женских чтений, посвященных 90-летию со дня проведения Первого Всероссийского женского съезда. Ныне ИКГП РАПН объединяет исследователей Архангельска, Иваново, Краснодара, Москвы, В. Новгорода, Саратова, Ставрополя, Тулы, Ярославля.

Книга продолжает публикации, подготовленные при участии ИКИИ РАПН и ИКГП РАПН. Это, прежде всего, монография «Институциональная политология: Современный институционализм и проблемы политической трансформации России / под ред. С.В. Патрушева» (М.: ИСП РАН, 2006)[1], давшая название новой отрасли российской политической науки, сборник «Новые направления политической науки: Гендерная политология. Институциональная политология. Политическая экономия. Социальная политика» (М.: РОССПЭН, РАПН, 2007), рубрики «Субдисциплина» в журнале «Политические исследования» — «Институциональная политология» (Полис. 2008. № 5) и «Гендерная политология» (Полис. 2010. № 5); специальный выпуск журнала «Политическая наука» (2009. № 3): «Современные институциональные исследования: состояние, проблемы, перспективы»; монографии П.В. Панова: «Институциональные основания устойчивости и фрагментации политического порядка в постсоветской России» (Пермь, 2008) и «Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка» (М.: РОССПЭН, 2011), а также С.Г. Айвазовой: «Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории)» (М.: РИК Русанова, 1998); «Мы выбираем, нас выбирают... Гендерный анализ парламентских и президентских выборов 2003–2004 годов в России» (совместно с Г.Л. Кертманом) (М.: ОЛИТА, 2004); «Российские выборы: гендерное прочтение» (М.: Московские учебники и Картолитография, 2008); О.Г. Овчаровой: «Гендерная асимметрия и политика» (Саратов: Саратовская государственная академия права, 2007); Т.Б. Рябовой «Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике» (Иваново: Ивановский государственный университет, 2008); монографии «Модернизация и политика в XXI веке» (М.: РОССПЭН, 2011); ряд статей в ежегодниках РАПН и других изданиях.

Структура данной монографии выстроена в соответствии с общим замыслом и результатами проекта.

В первом, теоретическом, разделе (авторы *С.Г. Айвазова, К.П. Кокарев, О.А. Мирясова, Д.Е. Москвин, Т.В. Павлова П.В. Панов, С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова, А.Д. Хлопин*) рассмотрены ключевые, проблемные измерения институционального порядка и связанный с ними понятийный аппарат, а также их интерпретация применительно к российскому случаю. В первой главе представлены основные концептуальные подходы к проблеме порядка: структуралистский, рациональный и социально-конструктивистский, и обоснован выбор конструктивистской методологии исследования, раскрыты понятия институциональной среды, неопределенности, легитимности, институциональных практик и арен взаимодействия, показаны отличия гражданского участия и гражданского действия как типов гражданской активности, значение процедур

[1] Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Publication/IP_2006.pdf

включения/исключения для институционального изменения, специфика гендерного порядка и гендерного гражданства. Во второй главе российский тип социальной организации охарактеризован как социум клик, современный этап его эволюции — как институциональная ловушка, показано значение таких характеристик, как гендерные разрывы, размежевание по линии лояльности и оппозиционности, обоснована необходимость определения российского порядка как кликократии.

Во втором разделе представлены результаты эмпирических исследований процессов институционализации практик *на различных аренах* взаимодействия власти и социума. Показаны факторы, которые определяют дифференциацию, фрагментацию и партикуляризацию практик, препятствуют социетальной и политической интеграции, приводят к воспроизводству кликовой структуры российского социума и кликократического порядка.

А.В. Семенов на примере Тюменской области рассматривает практики региональной публичной *арены* и показывает, что обсуждение общественно значимых проблем преимущественно инициируется властью для легитимации уже принятых решений. Как следствие, вместо «демократической публичной *арены*» складывается «официальная публичная *арена*», поддержку получают формы гражданского участия, обеспечивающие воспроизводство сложившихся практик. Другие формы гражданской активности вытесняются властью в «пространство свободы» — интернет-пространство или среду независимых от власти общественных движений, где может формироваться универсалистский потенциал, реализация которого предполагает преодоление ресурсных ограничений.

В.Л. Римский, опираясь на эмпирические данные, соотносит социальные запросы граждан к судебной власти и реальные судебные практики и приходит к выводу о противодействии судебного сообщества процессу универсализации порядка.

И.В. Бобров, В.П. Клюева, Р.О. Поплавский (Коробкó) и *М.С. Черепанов* исследуют арену взаимодействия между органами власти и религиозными объединениями. Сравнительный анализ опыта Русской православной церкви (РПЦ) и мусульманских религиозных объединений на региональном уровне выявил три рода социальных представлений чиновников и религиозных лидеров о этих взаимодействиях: светски-индифферентные, светски-патриотические и конфессионально-окрашенные, которые обусловливают разнообразие «религиозного партикуляризма», ведут к фрагментации институциональных практик.

Гендерные стереотипы, социально разделяемые представления о мужественности и женственности, подчеркивает *Т.Б. Рябова,* оказывают влияние на различные практики господства и подчинения, будь то электоральное поведение, технологии борьбы за власть или же рекрутирование руководителей на политико-административные позиции. Они выступают ресурсом власти, организующим не только гендерные, но и политические иерархии. В целом эксплуатация гендерных стереотипов

представляет собой консервативный фактор, направленный на сохранение существующих властных практик, хотя гендерные стереотипы могут быть использованы и в качестве фактора неадаптивной деятельности, обеспечивая позитивные изменения в обществе, направленные на благо общества.

Исследование *О.В. Бычковой* и *Е.В. Поповой*, посвященное всем хорошо известной, жизненно важной и все же необычной для российской политологии проблеме реформы жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ), позволяет по-новому увидеть некоторые принципиальные вопросы. Авторы показывают, что никаких институтов, позволяющих гражданам участвовать в обсуждении проблем ЖКХ, кроме жалоб и судов, не предусмотрено. Централизованный стиль управления со ссылкой на профессиональную сложность проблемы рассматривается местной властью как весьма эффективный, поэтому все решения, которые касаются жилищных условий повседневной жизни граждан, принимаются единовластно чиновниками, а не на собрании и обсуждении с участием заинтересованных сторон. По существу, сходная технократическая логика и модель силового управления вместо опосредуемого договорами политического решения через специально созданные институты действует и в других случаях, будь то выработка общенациональной стратегии или принятие принципиальных решений о процедурах формирования федеральных или региональных органов власти.

П.В. Панов изучает феномен множественности институциональных практик на отдельно взятой арене взаимодействия (выборы). Сравнивая масштабы партикуляристских электоральных практик, исследователь обнаружил очевидные различия в зависимости от уровня выборов. Институционализация электоральных взаимодействий приводит к возникновению «репертуара» типичных моделей поведения, когда в одних случаях (например, при наличии альтернативных политических программ) избиратели намерены воздействовать на политику правительства («гражданское голосование»), а в других обстоятельствах (жесткое административное давление при отсутствии альтернативных политических программ) воспроизводят разнообразные партикуляристские модели голосования. Степень конкурентности выборов не влияет на масштабы партикуляризма, не меняет модели взаимодействия между избирателями и кандидатами и не делает выборы демократическими.

М.С. Ильченко изучает эволюцию отношений между федеральным Центром и российскими регионами. Институционализированные в 1990-е гг. практики двусторонних соглашений оказались устойчивыми и в 2000-е, несмотря на попытки установить универсальные стандарты взаимоотношений, не зависимых от «индивидуальных» связей и договоренностей. Независимо от декларируемой «технократичности», когда усиленно внедряется, например, «проектный подход», исследования доказывают сохранение обменных практик, когда трансферты выделяются по принципу лояльности, кликовых и персональных связей. В результате

траектория дальнейшего развития федеративной системы представляется неопределенной даже в краткосрочной перспективе.

На основании сравнительного межстранового анализа, *М.А. Завадская* обнаружила не только существенные различия между «старыми демократиями» Западной Европы и «новыми демократиями» Центральной и Восточной Европы в плане динамики использования трех «классических» арен участия (выборы, демонстрации и подписание петиций), но и уникальность России, по крайней мере по двум позициям. Уровень неэлекторального участия здесь еще ниже, чем в странах ЦВЕ, а «масштабы использования» всех арен колеблются. Демонстрации и подписание петиций пока не являются реальной альтернативой для оккупированной партикуляристскими практиками электоральной арены взаимодействия.

Материалы раздела показывают, что российский порядок характеризует не только стабильность, но и порожденная неопределенностью внутренняя подвижность, сопряженная с неустойчивостью. На его периферии идет борьба за создание новых арен, где у гражданского универсализма может быть больше шансов для институционализации.

Перспективам российского порядка в связи с возможными стратегиями гражданской активности посвящен третий раздел монографии.

Авторы исходят из того, что возможные изменения связаны с ростом гражданского потенциала и расширением гражданских практик, ориентированных не только на воспроизводство существующей ситуации, но и на использование имеющихся возможностей гражданского действия, направленного на разворачивание гражданского общества и пространства защиты и реализации политических прав граждан, на формирование политического порядка в России. Однако реальность оказывается более противоречивой.

Исследуя потенциал институционального изменения, связанный с гражданской вовлеченностью в социуме клик, *А.Д. Хлопин* приходит к выводу, что переход от неформальных отношений к использованию универсальных норм права и морали предполагает реализацию стратегий гражданского действия, направленного на трансформацию институциональной среды. Такие стратегии в современной России пока не просматриваются.

С.Г. Айвазова рассматривает практики гражданской активности в качестве фактора становления гендерного гражданства как института, преодолевающего в интенции социальное неравенство женщин и мужчин. Автор показывает, что, несмотря на сохранение некоторых следов гендерной иерархии, принцип гендерного неравенства теряет своих сторонников в среде гражданских активистов. По мере активизации гражданской деятельности гендерная идентичность становится менее явной, чем гражданская.

Обратившись к изучению феномена исторической памяти в качестве блокирующего и ресурсного факторов преодоления институциональных

ограничений гендерного равенства, *О.Г. Овчарова* утверждает, что хранилища исторической памяти содержат необходимые для ликвидации практик гендерной асимметрии смыслы, а реализация трансформационных процессов определяется временем, которое позволит россиянам осознать проблему гендерного равенства как вопрос повышения качества жизни, безопасности и справедливости.

Л.Е. Филиппова пытается выяснить признаки включенности/исключенности по отношению к государству в современной России, показать, в какие формы могут быть облечены стратегии «голоса» и «выхода», применяемые гражданами, и оценить потенциал этих стратегий в плане трансформации института государства.

О.А. Мирясова исследует феномен активности граждан в пространстве лояльности и оппозиционности. Способствует ли «лояльный активизм» формированию структур гражданского общества или служит для его имитации — вопрос открытый. Более определенно то, что «оппозиционный активизм» — с разной степенью успешности — препятствует попыткам власти задать жесткие рамки гражданской активности и исключить всякую критику принимаемых властью решений.

Перспективы институционализации демократического политического порядка являются, по мнению *Т.В. Павловой,* проблемой модернизации. Обеспечивая правовой порядок, сильное государство открывает доступ к различным видам политической, экономической и общественной деятельности, создает возможности для формирования структур гражданского общества и институтов политического представительства, участия и принятия решений.

Ближайшие перемены отечественного властного ландшафта покажут, способна ли активность граждан сделать российский порядок современным и в состоянии ли этот порядок ответить на институциональные вызовы XXI в.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ
Кликократический порядок как институциональная ловушка российской модернизации

Относительная стабилизация нового институционального порядка в «нулевые» годы создала возможность выявления и изучения институциональных проблем российской трансформации. Отчетливо обнаружилась коллизия устойчивости и неэффективности новых институтов, обозначилась необходимость их реформирования, которая признана в официальных выступлениях высоких должностных лиц и обоснована в аналитических разработках[1]. Конституирующие правовые установления оставляют множество возможностей для интерпретации формальных правил, актуализации и появления неформальных норм поведения. На этой основе и в зависимости от институциональной среды, опыта и культуры акторов могут возникать и функционировать оригинальные институциональные конфигурации.

Совершенствование правового регулирования, понимаемое как умножение формальных ограничений, может создать институт, не только существенно отличающийся от желаемого исходного, но и неэффективный. Возникает опасность институциональной блокировки, распространения зон организованного оппортунистического поведения, нелегальных практик, что чревато снижением общей эффективности институциональной структуры для решения таких задач, как обеспечение согласия в обществе, участие в процессах реформирования. Нарушение институционального равновесия создает постоянную угрозу общественной стабильности, но, как показал А.Н. Олейник, помогает обоснованию власти[2].

Во многих случаях анализ институционального дизайна, политических институтов ведется с позиций самих «дизайнеров» или, в лучшем случае, организованных политических акторов. Несомненно, политической элите принадлежит решающая роль в институциональном конструировании. Однако только граждане приводят в действие большинство институтов: без избирателей нет выборов и партий, без граждан нет реально действующих законов и т. д.

---

[1] Белановский С., Дмитриев М. Политический кризис в России и возможные механизмы его развития. М.: Центр стратегических разработок, 2011; Грин С. Россия — 2020: сценарии развития: Неподвижное общество // Ведомости. 04.05.2011; Медведев Д.А. Выступление на заседании Петербургского международного экономического форума. 17 июня 2011 г. Санкт-Петербург. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/news/11601

[2] См.: Олейник А.Н. Власть и рынок: система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. М.: РОССПЭН, 2011.

Эволюция взаимосвязанных институтов может отклоняться от общественного оптимума. К таким отклонениям может приводить отсутствие координирующих ограничений для политиков, которые, сохраняя свободу действий и следуя принципам поведения «рационального» человека, задают направленность институциональных преобразований из соображений индивидуальной политической выгоды, идущей вразрез с интересами общества. Как следствие, вокруг всякого института, независимо от того, насколько он эффективнее предшествующего, всегда формируется среда, заинтересованная в его существовании и обеспечивающая устойчивое сопротивление селекции.

Проблемы российского институционального развития не могут оцениваться вне связи с советским прошлым. После преобразований начала 1990-х гг. российский социум оказался перед выбором: либо подстраиваться под новые правила, либо «перестраивать» эти правила под себя. «Критическая масса» спонтанного действия оказалась достаточной для того, чтобы новые российские институты начали выстраиваться по второму сценарию.

По мнению ряда экспертов, история провалов и успехов переходного периода предстает отнюдь не как история последовательных (успешных) и непоследовательных (неудачных) реформ[1]. Главное — сохранение дееспособных институтов в одних странах и их развал в остальных. Это история несостоятельности государства и его институтов (government failure), а не несостоятельности рыночной координации и недостаточной либерализации (market failure). Более того, тенденция к централизации способствует укреплению и укоренению неконкурентных структур в различных областях человеческой жизнедеятельности.

Неопределенность при постановке и неочевидность реализации долгосрочных целей развития, ориентация на решение текущих проблем в ущерб перспективе создает предпосылки для перерождения адаптивного поведения в свою противоположность — неадаптивные трансформации, зачастую имеющие необратимый характер.

Так, права собственности рассматриваются как социальные институты, включая формальные юридические правила и неформальные социальные нормы, которые определяют и реализуют набор привилегий, предоставленных индивидам в отношении специфических экономических ресурсов. Поскольку как юридические правила, так и социальные обычаи определяют права собственности, изменение прав собственности не может быть достигнуто просто предписыванием новых юридических правил. По крайней мере, это также требует дополнительных изменений в социальных нормах, которые вместе с новыми формальными правилами и другими ограничениями целостности переопределяют экономические возможности и переделывают правила игры, чтобы координировать

[1] См., например: Полтерович В.М. Стратегии институциональных реформ. Перспективные траектории // Экономика и математические методы. 2006. Т. 42. № 1. С. 3–18.

экономических акторов, включая деловые организации и индивидуальных предпринимателей, в их поисках экономической прибыли. Изменение прав собственности является, таким образом, институциональной реконфигурацией правил собственности. Новая структура прав собственности не укореняется до тех пор, пока все экономические акторы не перестроят свои ожидания в ответ на новые правила собственности и не начнут вести себя соответствующим образом. Неслучайно, ожидания российских предпринимателей, вовлеченных в хозяйственные споры, оказываются существенно выше, чем результаты, получаемые ими в судебном разбирательстве.

Существовали альтернативные модели трансформации:

1) радикальные реформы проводятся «автономным» правительством, не зависящим от своих избирателей в краткосрочном периоде и опирающимся на поддержку извне. В силу неизбежной ограниченности подобной «автономии» во времени ключевые реформы должны быть реализованы в максимально короткие сроки, чтобы обеспечить необратимость процесса при возможной последующей смене правительства;

2) реформы проводятся правительствами, которые зависят от избирателей, и потому учитывают их пожелания и реакцию.

Выяснилось, что наиболее успешно реформы продвигались во втором случае. Напротив, для стран с «автономными» правительствами были характерны либо отсутствие реальных реформ, либо непоследовательные, «частичные» реформы. Эти реформы в краткосрочном периоде могут обеспечивать не только проигрыши, но и выигрыши для определенных социальных групп. Чем выше уровень диспропорций (тесно связанный с непоследовательностью и отсутствием комплексности в проведении реформ), тем большую прибыль могут извлечь влиятельные социальные группы от операций координации. Соответственно, тем большими ресурсами они будут располагать для того, чтобы в дальнейшем препятствовать завершению реформ, сохраняя источники своей ренты. В результате наблюдается эффект «ловушки» частичных реформ[1].

---

[1] В российской литературе проблема «институциональных ловушек» весьма подробно рассмотрена в работах В.М. Полтеровича. Академик В.М. Полтерович показал, что понятие институциональной ловушки — равновесной, устойчивой, но неэффективной нормы поведения — тесно связано с понятием «эффект блокировки» (lock-in) и в определенном смысле является его частным случаем. Полтерович предложил общую схему формирования институциональных ловушек и описал механизмы выхода из них. В частности, было показано, что шоковый метод осуществления реформ, недостаточно полный учет начальных условий, неверный выбор последовательности реформ, пренебрежение принципом «компенсации проигравших», попытка реализовать «стандартную» экономическую политику в несовершенной институциональной среде могут способствовать возникновению институциональных ловушек. См.: Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы. М.: Российская экон. школа, 1998; Он же. Институциональные ловушки: есть ли выход? // Общественные науки

Проблемой является не столько обособление реформирующих от влияния «проигрывающих» социальных групп, сколько ограничение воздействия на них со стороны влиятельных «выигравших» групп, стремящихся к сохранению источников своего влияния[1]. Одно из главных средств решения этой проблемы — развитие политической демократии, обеспечивающей учет мнения «проигравших» и сдерживающей давление «выигравших» социальных групп.

Отношение властно-бюрократической элиты, кликократии к институтам демократии и рыночной экономике остается внутренне противоречивым. Не существует ни политического, ни общественного консенсуса, который зафиксировал бы — в той или иной форме — наличие согласия относительно возможных путей развития России. Не запущен механизм отслеживания собственного опыта, который корректировал бы действия политиков, выполняя функции контроля, осуществляемого гражданским обществом.

Использование современных форм гражданского и политического участия (общественная деятельность, выборы, партии) слабо связано с новыми ценностными конфигурациями массового сознания и лишь до некоторой степени воспринимается как реализация политических прав и свобод. Это касается и такой, казалось бы, очевидной материи, как гендерная асимметрия.

Разрыв между политическими ценностями и нормами, постепенно распространяющимися на микроуровне, сопряжен с блокированием государством тех общественных инициатив, которые возникают снизу. Это подтверждает практика общественных движений. В массовых представлениях граница возможностей коллективного действия оставляет в стороне политическую область — участие, представительство, власть.

Определенная Конституцией роль партий задает не только общие черты этого института, но и делает необязательной выработку соответствующих стратегий и идеологических обоснований. В массовом сознании сложился сугубо негативный образ существующих в России политических партий. Респонденты справедливо называют их «псевдопартиями», полагая, что они не осуществляют функцию представительства интересов определенных общественных групп, а выражают лишь

и современность. 2004. № 3. С. 5–16; Он же. Элементы теории реформ. М.: Экономика, 2007.

[1] По данным НИУ–ВШЭ, к «выигравшим» относятся верхние, наиболее состоятельные 20 % населения, к начисто «проигравшим» — 40 % населения с наименьшими доходами. Остальные 40 % продолжают бороться за изменение или сохранение своего положения. Несколько успокаивает то, что в Мексике и Бразилии ситуация еще хуже... См.: Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 гг. Докл. к XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. М., 5–7 апр. 2011 г. / Г.В. Андрущак, А.Я. Бурдяк, В.Е. Гимпельсон и др.; рук. авт. колл. Е.Г. Ясин. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. С. 86.

собственные, корыстные интересы, «решают собственные проблемы», «преследуют собственную выгоду», занимаются «политиканством», «демагогией», «воровством». Исследователи пишут о деволюции партийной системы, когда «формальное нормативное усиление роли партий на деле обернулось их фактическим внутренним разрушением и обезличиванием, а сама партийная система оказалась в глубочайшем кризисе»[1]. Партии «в значительной степени превратились в элемент государственного контроля над политической активностью граждан»[2].

Власть по-прежнему видит выход в укрупнении партийных структур, что на практике оборачивается стремлением сделать элементами отмеченного выше государственного контроля «все, что шевелится» на российском просторе.

Эрозия прежних, советских, процедур взаимодействия квазиполитических и квазиобщественных организаций и, шире, власти и народа, государства и общества оказывает двойственное влияние на формирование отношений партий и общественных организаций. Используя прежний процедурный ресурс, «обновленные» структуры тормозят процессы институциональной трансформации. «Вновь возникшие» общественные организации и партии наращивают этот ресурс очень медленно, что порождает «отказные» настроения с той и другой стороны.

Кто и почему будет поддерживать развитие политической сферы и добиваться согласованности в проведении реформ в условиях уже возникшего институционального равновесия? Важнейшие решения принимаются не в результате общественных или политических дискуссий, а «исходя из понятий и договоренностей», причем «власть опирается не столько на собственную мощь, сколько на использование одних групп в борьбе против других»[3]. Вследствие этого публичная сфера, не успев развиться, сворачивается, а кликовый процесс принятия решений укрепляется. Реальная политика осуществляется, констатировал на рубеже столетий В. Рыжков, «не через партии, а через другие схемы и институты»[4]. Это наблюдение сохранило свою точность и десятилетие спустя.

В результате выборов происходит легализация, но не легитимация власти: многие граждане уверены, что выборы несправедливы, их результаты фальсифицируются и в любом случае не отражают их позицию. Значительная часть россиян ценит выборы как возможность общения между властью и народом «на равных» или почти «на равных». Несмотря на изменение избирательной системы, на переход к пропорциональной (партийной) системе выборов, сограждане продолжают воспринимать выборы по преимуществу как столкновение конкретных людей, партий

---

[1] Кынев А.В., Любарев А.Е. Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволюция. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2011. С. 739.

[2] Там же. С. 751.

[3] Явлинский Г. Демодернизация // Московские новости. 2002. № 44.

[4] Рыжков В. Партии в четвертой республике. М.: МШПИ, 2000. С. 190.

Путина, Зюганова, Жириновского, а не программ, стратегий, проектов, идейно-политических направлений и представляющих их политических организаций и группировок.

В процессе российской трансформации возникли институциональные ловушки — неэффективные устойчивые институты. Механизм их устойчивости включает как индивидуальные предпочтения и санкции, так и эффект координации: чем больше людей следует институциональной норме, тем выше издержки неисполнения, тем менее целесообразно отклоняться от нее и тем больше людей ей следует. Закрепление нормы происходит благодаря эффекту обучения, совершенствования ее исполнения, эффекту сопряжения норм и культурной инерции. Эффекты координации, обучения, сопряжения, культурная инерция и лоббирование ответственны за возникновение институциональных блокировок, распространяющихся по всему общественному полю.

Институциональные изменения в 1990–2010-е гг. сформировали новую «тропу зависимости» — современную институциональную ловушку российской кликократии. Кликократический порядок является основной проблемой и преградой для российской модернизации[1].

Некоторые эксперты предлагают уничтожить все возникшие «политические институты», что и наивно, поскольку говорит о непонимании природы российского институционального порядка, и опасно, поскольку чревато укреплением кликовой социальной и властной структуры, которая и без того несет в себе мощный деструктивный потенциал. Другие эксперты, причем разных идейных традиций — и консерваторы, и либералы — ведут себя более взвешенно, предлагая заняться преобразованием существующего порядка — реформировать систему разделения властей, чтобы усилить представительскую составляющую, придать реальные черты парламентаризму, изменить избирательное и партийное законодательство, чтобы граждане могли реализовывать свои конституционные права на выборы, политическую самоорганизацию и представительство интересов.

В ситуации исключающего или ограниченного представительства граждане могут перейти к поиску и созданию новых каналов влияния на власть и новых форм представительства и реализации своих интересов, от рутинного политического участия к политическому действию. Не исключено, что в условиях неблагоприятных для политической активности изменений политико-институционального контекста, сужающегося политического пространства, поиск наиболее эффективных способов влияния на власть будет смещаться от привычных форм политического участия (электоральная активность, политические партии) к политическому действию (политическим инициативам, движениям), к различным формам непосредственной коммуникации с властью и даже к методам прямого действия для осуществления прав и свобод гражданина.

---

[1] См., например: Модернизация и политика в XXI в. М.: РОССПЭН, 2011.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айвазова Светлана Григорьевна — доктор политических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН, координатор Исследовательского комитета по гендерным исследованиям (гендерной секции) РАПН, Москва.

Бобров Игорь Владимирович — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой политологии Института гуманитарных наук Тюменского государственного университета.

Бычкова Ольга Викторовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге.

Завадская Маргарита Андреевна — аспирант Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Ильченко Михаил Сергеевич — аспирант Института философии и права Уральского отделения РАН, Екатеринбург.

Клюева Вера Павловна — кандидат исторических наук, заведующая лабораторией социально-исторических исследований Института проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень.

Кокарев Константин Павлович — младший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва.

Мирясова Ольга Александровна — младший научный сотрудник Института социологии РАН, Москва.

Москвин Дмитрий Евгеньевич — кандидат политических наук, начальник научно-исследовательского отдела Екатеринбургской академии современного искусства.

Овчарова Ольга Геннадьевна — доктор политических наук, профессор Саратовской государственной академии права.

Павлова Тамара Владимировна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН, Москва.

Панов Петр Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент кафедры политических наук Пермского государственного университета, координатор Исследовательского комитета по институциональным исследованиям РАПН.

Патрушев Сергей Викторович — кандидат исторических наук, заведующий отделом сравнительных политических исследований Института социологии РАН, профессор Всероссийской академии внешней торговли, координатор Исследовательского комитета по институциональным исследованиям РАПН, Москва.

Поплавский (Коробкó) Роман Олегович — младший научный сотрудник лаборатории социально-исторических исследований Института проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень.

Попова Евгения Владимировна — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Томского государственного университета.

Римский Владимир Львович — заведующий отделом социологии Регионального общественного фонда «Информатика для демократии» (Фонд ИНДЕМ), Москва.

Рябова Татьяна Борисовна — доктор социологических наук, доцент Ивановского государственного университета, координатор Исследовательского комитета по гендерным исследованиям (гендерной секции) РАПН.

Семенов Андрей Владимирович — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры новой истории и международных отношений Института гуманитарных наук Тюменского государственного университета.

Филиппова Людмила Евгеньевна — кандидат политических наук, научный сотрудник Института социологии РАН, Москва.

Хлопин Александр Дмитриевич (10.06.1946 — 11.10.2011), в период работы над книгой кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, Москва.

Черепанов Максим Сергеевич — кандидат политических наук, младший научный сотрудник лаборатории социально-исторических исследований Института проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень.

Научное издание

Библиотека РАПН

Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка

Ведущий редактор *Е. А. Кочанова*
Редактор *Г. М. Соколова*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *А. Ю. Никулин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Е. Д. Щепалова*
Компьютерная верстка *Л. А. Кругова*
Корректор *А. В. Голубцова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 18.10.2011.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,0. Тираж 300 экз. Заказ №

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393 Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел.: 334-81-87 (дирекция);
Тел./Факс: 334-82-42 (отдел реализации)